

Н.В. Чернышева
А.И. Ажигулова*

СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920–1930-Е ГОДЫ: ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ

doi:10.31518/2618-9100-2024-3-3
УДК 94:314.14(47+57)"192/193"

Выходные данные для цитирования:
Чернышева Н.В., Ажигулова А.И. Смертность населения Советской России в 1920–1930-е годы: основные исследовательские проблемы, факторы и тенденции // Исторический курьер. 2024. № 3 (35). С. 41–53.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-3-03.pdf>

N.V. Chernysheva
A.I. Azhigulova*

MORTALITY OF THE POPULATION OF SOVIET RUSSIA IN THE 1920–1930S: MAIN RESEARCH PROBLEMS, FACTORS AND TRENDS

doi:10.31518/2618-9100-2024-3-3

How to cite:
Chernysheva N.V., Azhigulova A.I. Mortality of the Population of Soviet Russia in the 1920–1930s: Main Research Problems, Factors and Trends // Historical Courier, 2024, No. 3 (35), pp. 41–53.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-3-03.pdf>]

Abstract. A retrospective analysis of demographic processes in the 1920 years and 1930 years will help to understand the complexities of the modern demographic situation in Russia. Mortality, its factors, and trends were decisive in the processes of population reproduction. The ongoing Stalinist modernization, which included forced industrialization and complete collectivization, became the socio-economic reason for the interruption of the second stage of the demographic transition that had begun. A number of events, processes and factors such as the famine of 1921–1922, the famine of 1932–1933, migration from villages to cities, and the low level of medical care for the population caused high mortality rates. The most relevant methodology for studying the period under consideration is presented in the works of A.G. Vishnevsky (theory of demographic revolution), V.B. Zhiromskaya (idea of discontinuity of demographic transition), V.A. Isupov (theory of epidemiological transition), A.S. Senyavsky (urban transition). The state took a number of steps in the field of demographic policy, such as the decree of the Central Executive Committee of the USSR and the Council of People's Commissars of the USSR dated June 27, 1936, amendments to the Code on Marriage, Family and Guardianship. Measures aimed at the development of the health care system and health saving were carried out. There was progress in medicine, the population was vaccinated, the network of medical institutions expanded, but these actions were catching up. Mortality from exogenous causes became a key factor in the processes of population reproduction in the 1920 years and 1930 years.

Keywords: mortality factors, demographic transition, epidemiological transition, population, demographic processes, RSFSR.

The article has been received by the editor on 13.02.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Наталья Викторовна Чернышева**, доктор исторических наук, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: natache84@mail.ru

Natalia Viktorovna Chernysheva, Doctor of Historical Sciences, Historical Demography of the Federal Research Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: natache84@mail.ru

Альбина Исламовна Ажигулова, кандидат исторических наук, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия, e-mail: azhigylova@mail.ru

Albina Islamovna Azhigulova, Candidate of Historical Sciences, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia, e-mail: azhigylova@mail.ru

Аннотация. Сложности современной демографической ситуации России поможет понять ретроспективный анализ демографических процессов 1920–1930-х гг. Смертность, ее факторы и тенденции были определяющими в процессах воспроизводства населения. Проводимая сталинская модернизация, включавшая в себя форсированную индустриализацию и сплошную коллективизацию, стала социально-экономической причиной прерывания начавшегося второго этапа демографического перехода. Ряд событий, процессов и факторов, таких как голод 1921–1922 гг., голод 1932–1933 гг., миграция из сел в города, низкий уровень медицинского обслуживания населения, стал причиной высоких коэффициентов смертности. Наиболее актуальная методология изучения рассматриваемого периода представлена в трудах А.Г. Вишневого (теория демографической революции), В.Б. Жиромской (идея прерывистости демографического перехода), В.А. Исупова (теория эпидемиологического перехода), А.С. Сенявского (урбанизационный переход). Со стороны государства предпринимался ряд шагов в области демографической политики, таких как Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июня 1936 г., изменения в Кодексе о браке, семье и опеке. Проводились меры, направленные на развитие системы здравоохранения, здоровьесбережения. Наблюдался прогресс в медицине, население вакцинировалось, расширялась сеть лечебных заведений, но эти действия носили догоняющий характер. Смертность от экзогенных причин стала ключевой в процессах воспроизводства населения в 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: факторы смертности, демографический переход, эпидемиологический переход, население, демографические процессы, РСФСР.

Статья поступила в редакцию 13.02.2024 г.

В истории XX в. события 1920–1930-х гг. занимают особое место как с точки зрения истории, так и происходивших демографических изменений. Современная демографическая политика нашего государства направлена на увеличение рождаемости среди населения, повышение продолжительности жизни, улучшение жилищно-бытовых условий, рост количества медицинских учреждений, в этой связи актуально ретроспективное изучение демографических процессов в 1920–1930-е гг.

Цель статьи – анализ исследовательских проблем, определение факторов и тенденций смертности населения Советской России в 1920–1930-е гг.

Методологическая основа работы – теория модернизации, составляющими которой являются теории демографического, эпидемиологического и урбанизационного переходов. Авторы использовали общенаучные, специальные исторические и статистические методы, применяемые в демографии.

Смертность населения, ее тенденции оказывали существенное влияние на процессы воспроизводства населения РСФСР в первые десятилетия советской власти. Демографы выделяют два основных фактора смертности: экзогенный, происходящий под влиянием внешних причин, и эндогенный, складывающийся из естественных причин старения организма. В рассматриваемый период наблюдалось преобладание экзогенных факторов смертности. Ряд событий политического, социально-экономического характера (такие как Гражданская война, голод 1921–1922 гг., индустриализация, коллективизация, голод 1932–1933 гг.) обусловил высокие показатели смертности от внешних причин.

В научной литературе демографическим событиям 1920–1930-х гг. уделялось немало внимания, но, учитывая масштабность и сложность происходивших событий, некоторые аспекты остались нераскрытыми. В советский период историография 1920-х гг. характеризуется высоким интересом современников к демографическим проблемам. Страна участвовала в Первой мировой войне, пережила революционные события 1917 г., голод 1921–1922 гг.,

Гражданскую войну, интервенцию, эмиграцию части жителей – все это отразилось на численности ее населения. В данный период выходят сборники официальных статистических отчетов, плановых показателей¹. Издаются труды Е.З. Волкова², М.П. Кувшинникова³ и др. В основном авторами демографических трудов были врачи, статистики, экономисты, проводившие анализ объективных статистических данных⁴. Систематическая публикация сведений о естественном движении населения прекратилась вскоре после переписи 1926 г.⁵ В 1930-е гг. события в общественно-политической жизни страны приводят к сокращению научной литературы по демографии. Ряд научных учреждений оказался закрыт, некоторые демографы подверглись репрессиям, сведения о заболеваемости и смертности среди населения были засекречены. В этот период выходят официальные издания результатов переписей 1937 г., 1939 г., но эти материалы отличались общей оценкой результатов.

Новый этап изучения демографических процессов относится к периоду 1960–1970-х гг. В этот период открываются возможности для исследований, не противоречащих официальной линии, что способствует возникновению демографических трудов⁶.

Следующий этап наступает в 1980-е гг., в эпоху перестройки, – это создает условия для появления новых историко-демографических исследований, в основном затрагивающих переписи населения СССР 1937 и 1939 гг.⁷ В 1990-е гг. появляются труды Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковской⁸. На основе анализа ранее засекреченных архивных материалов о естественном движении населения авторы воспроизвели демографическую картину страны XX в., ввели в научный оборот новые статистические сведения, предложили варианты демографических тенденций. Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова, помимо политических причин сокрытия данных о естественном движении населения в 1930-е гг., выделяют низкую статистическую культуру. Е.М. Андреев проанализировал смертность населения СССР в контексте мировых демографических тенденций и определил особенности смертности населения СССР⁹.

Выходят труды, в которых подробно рассматривается демографическая структура населения, возрастно-половой состав, изменение отношения к восприятию смерти, брака, семьи и т.д. Актуальны труды Н.А. Араловец¹⁰, Ю.А. Полякова¹¹, В.Б. Жиромской¹², Г.Е. Корнилова¹³, В.А. Исупова¹⁴, которые продолжают работать над этими проблемами до сегодняшнего дня.

¹ Бюллетени Госплана. М., 1924. Вып. 1–2.; Бюллетени Госплана. М., 1924. Вып. 3.; Статистическое обозрение. М., 1927.

² Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за семьдесят лет. М., 1930.

³ Кувшинников М.П. Естественное движение населения РСФСР в 1920–1922 гг. // Вестник статистики. 1925. № 4–6. С. 99–135.

⁴ Журавлева В.А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг.: историко-демографический анализ: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2016.

⁵ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Население Советского Союза, 1922–1991. М., 1993. С. 36.

⁶ Женщины и дети в СССР. М., 1963; Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963; Боярский А.Я. Население и методы его изучения: сб. науч. трудов. М., 1975; Вишневский А.Г. Демографическая революция. М., 1976.

⁷ Тольц М.С. Репрессированная перепись // Родина. 1989. № 11. С. 56–61; Жиромская В.Б. Всесоюзные переписи 1926, 1937 и 1939 гг. История подготовки и проведения // История СССР. 1990. № 3. С. 84–104; Волков А.Г. Из истории переписи населения 1937 г. // Вестник статистики. 1990. № 8. С. 45–56.

⁸ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998; Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Население Советского Союза...

⁹ Andreev E.M. Life Expectancy and Causes of Death in the USSR // Demographic Trends and Patterns in the Soviet Union Before 1991. Routledge, 2002. P. 319–334.

¹⁰ Араловец Н.А. Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // Отечественная история. 1995. № 1. С. 135–146.

¹¹ Население России в XX веке: в 3 т. М., 2002. Т. 2. 1940–1959 гг.: исторические очерки.

¹² Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996; Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. М., 2007.

¹³ Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993; Корнилов Г.Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3. С. 80–89.

Подробное исследование о численности, возрастно-половом составе детского населения России представляет работа В.Б. Жиромской, Н.А. Араловец¹⁵.

Рассматриваемая тема актуальна и среди зарубежных исследователей. В 1984 г. в журнале «Советские исследования» С. Уикрофтом публикуется заметка о привлеченных С. Роузфилдом расчетах избыточной смертности в СССР в 1929–1949 гг.¹⁶ А. Блюм делает вывод об отсутствии долгосрочных демографических воздействий политической жизни на социальную¹⁷. Д. Хоффманн обращает внимание на схожие тенденции демографического развития Советского Союза с другими государствами, проходившими те же модернизационные процессы¹⁸.

Многие исследователи рассматривают региональную специфику демографических процессов, в том числе Н.В. Чернышева¹⁹, Д.А. Кириллова²⁰, С.Н. Уваров²¹, В.Н. Ракачев²², В.А. Журавлева²³, С.И. Сивцева²⁴, А.И. Ажигулова²⁵.

В качестве источников по рассматриваемой проблеме следует выделить результаты проводимых Всесоюзных переписей населения 1926, 1937, 1939 гг. Сохранились также архивные материалы статистических учетов населения, сведения ЗАГСов, медицинские отчеты. В статье авторы обращаются к результатам медицинских отчетов о санитарной обстановке в РСФСР, сведениям Госплана СССР, а также опубликованным статистическим данным ЦСУ СССР. В середине – второй половине 1930-х гг. в СССР создается система статистического учета населения. Определенную сложность для исследователей представляют административно-территориальные преобразования, что затрудняет региональную оценку. Укажем также, что статистические сведения приведены в публикации без Казахской АССР. Несмотря на необходимость пересчета некоторых сохранившихся архивных материалов, учета приписок, дополнительных сведений, в целом дошедшая до сегодняшнего дня информация статистических отчетов вызывает доверие. Ряд исследователей (В.Б. Жиромская, В.А. Исупов), оценив дошедшие имеющиеся в доступе сведения о численности населения и официальные результаты переписей 1937, 1939 гг., выделили процент «приписок» по регионам, учитывая которые, вполне реально получить достоверные сведения о населении, оценили качество и охват текущим статистическим учетом населения СССР²⁶.

Учитывая сложности изучения демографии периода 1920–1930-х гг., в том числе по политическим причинам, новые методологические концепции о рассматриваемом периоде появляются во второй половине XX в. А.Г. Вишневым была сформулирована теория

¹⁴ Исупов В.А. Демографическая сфера в эпоху сталинизма // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990.

¹⁵ Жиромская В.Б., Араловец Н.А. Российские дети в конце XIX – начале XXI в.: Историко-демографические очерки. М., 2018.

¹⁶ Wheatcroft S.G. A Note on Steven Rosefielde's Calculations of Excess Mortality in the USSR, 1929–1949 // Soviet Studies. 1984. Vol. 36, No. 2. P. 277–281.

¹⁷ Блюм А. Родиться, жить и умереть в СССР. М., 2005.

¹⁸ Хоффманн Д. Взращивание масс: модерное государство и советский социализм. 1914–1939. М., 2018.

¹⁹ Чернышева Н.В., Свинцова М.Н., Сакович Н.В. Детская и младенческая смертность в областях Волго-Вятского региона накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2019. № 11. С. 102–111.

²⁰ Кириллова Д.А. Естественное движение населения СССР в 1930-е годы (по материалам текущего учета ЦУНХУ Госплана СССР 1933–1940 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2005.

²¹ Уваров С.Н. Этнодемографические процессы в Удмуртии в 1930-е годы // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, № 4. С. 664–677.

²² Ракачев В.Н. Население Кубани и Ставрополя в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2018.

²³ Журавлева В.А. Городское население Урала...

²⁴ Сивцева С.И. Население Якутии в 1939–1959 гг.: историко-демографическое исследование: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2014.

²⁵ Ажигулова А.И. Смертность на Южном Урале в 1930-е годы // Клио. 2017. № 1. С. 94–99.

²⁶ Исупов В.А. Тайны советской статистики: переписи населения 1937 и 1939 гг. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер.: История, филология, философия. 1991. № 1. С. 28–33; Жиромская В.Б. Полвека под грифом «секретно»...; Исупов В.А. «Это была фантастика, если не хуже»: методы фальсификации статистических источников в 1930-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 32–36; Исупов В.А. Как рассчитывали численность населения в годы Второй мировой войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 4. С. 69–74.

демографической революции. Начало демографической революции пришлось на 1920-е гг., затем с достижениями медицины и социального обслуживания населения в 1930-е гг. сменяется тип смертности. А.Г. Вишневецкий выделяет не только типы смертности, но и типы рождаемости, типы воспроизводства населения, все это в комплексе позволило проследить переворот в демографических процессах, повысить управляемость и устойчивость воспроизводства населения.

Становление нового типа смертности, сопровождающегося снижением уровня экзогенных факторов, было прервано началом Великой Отечественной войны. В.Б. Жиромской была выдвинута идея прерывистости демографического перехода для России, начавшегося в XIX в. и продолженного в рассматриваемый период²⁷. Характерными чертами начала демографического перехода были увеличение численности городского населения и переход от традиционной семьи к нуклеарной. К середине 1920-х гг. исследователем выделяется период демографической компенсации, но уже к 1928 г. показатели смертности увеличиваются. Специфика демографического перехода в России заключается в прерывистости начала и завершения смены типов воспроизводства, в том числе из-за попыток государства вмешаться в процессы воспроизводства населения. В 1930-е гг. в большинстве своем доминировали факторы экзогенного порядка. Наступивший довольно недолгий период компенсаторности не смог восполнить потери периода Первой мировой и Гражданской войн. В демографической структуре наблюдалась возрастно-половая деформация²⁸.

Интересен подход В.А. Исупова, выдвинувшего теорию эпидемиологического перехода, который представляет собой феномен модернизации смертности на основе структурной перестройки причин смерти и кардинальных сдвигов в возрастном составе умерших²⁹. Несколько раз начинавшийся в России эпидемиологический переход прерывался социально-экономическими и политическими процессами, которые способствовали увеличению смертности. В рассматриваемый хронологический период в 1920-е гг. В.А. Исупов делает акцент на начале эпидемиологического перехода в период нэпа, увеличении медицинского обслуживания населения. В 1930-е гг. разразившиеся эпидемии, голод 1932–1933 гг. способствовали повышению экзогенно детерминированной смертности, соответственно эпидемиологический переход прервался в ходе форсированной индустриализации и насильственной коллективизации. Последовавшие во второй половине попытки преодоления последствий голода, улучшения медицинского обслуживания не дали необходимых условий для завершения эпидемиологического перехода. Следующий этап послевоенных лет был более успешным и позволил завершить эпидемиологический переход.

А.С. Сеняевский рассматривал урбанизационный переход, начавшийся в России и представлявший собой превращение общества из сельского в городское³⁰. По его мнению, в 1920–1930 гг. сформировался механизм советской урбанизации, который был тесно привязан к социалистической индустриализации и зависел от размещения производительных сил в той или иной точке страны. Сам период сопровождался экстремальными условиями, что сказалось на механизме, процессе и результате городского развития.

Высокие показатели смертности в 1920–1930-е гг. были обусловлены социально-экономическими, внутри- и внешнеполитическими событиями, происходившими в стране. Негативные тенденции в демографических процессах стали проявляться в период Гражданской войны в России: существенно осложнилась жизнь женщин и детей, в стране начинает расти смертность, в том числе младенческая, детская. Военный период усугубил санитарно-гигиеническую обстановку, низкий уровень оснащённости населённых пунктов канализацией и водопроводом способствовал распространению заразных заболеваний, особенно среди детей, часто с летальным исходом. В середине 1920-х гг. наступил относительно благоприятный период, общий коэффициент смертности в России в 1925 г. достиг

²⁷ Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012.

²⁸ Там же. С. 68–69.

²⁹ Исупов В.А. Эпидемиологический переход в России: взгляд историка // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 4. С. 82–92.

³⁰ Сеняевский А.С. Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе. М., 2003.

24,1 %, тем не менее преодолеть нарушения демографических процессов из-за Первой мировой и Гражданской войн не удалось³¹.

Принимаемые государственные меры, направленные на уравнивание мужчин и женщин в правах, разрешение разводов, аборт, носили прогрессивный характер. Отношение к семье, браку постепенно менялось. Некоторые демографические события, такие как заключение брака, рождение ребенка, откладывались. Большая часть проведенных аборт приходилась на женщин, проживавших в крупных промышленных городах, что было связано с их вовлечением в учебную и производственную работу. В сельской местности, где длительное время продолжала сохраняться традиционная многодетная семья, доля аборт была значительно меньше, но и уровень медицинского сопровождения там был ниже. Например, в 1926 г. на 1 000 женщин, проживающих в Москве, приходилось 44 аборт, в сельской местности – 2,4 аборт³².

Дальнейшие события социально-политического характера привели к росту смертности. Так, методы проведения коллективизации стали одной из причин разразившегося голода 1932–1933 гг., численность жертв которого, учитывая прямые и косвенные потери, масштабна. Среди исследователей существуют различные оценки числа жертв данного голода. По мнению зарубежных исследователей, число смертей от голода 1932–1933 гг. разнится. Д. Конквест выделяет не менее 1 млн чел., погибших в Казахстане, 7 млн в других районах СССР, в том числе 5 млн на Украине, 1 млн на Северном Кавказе и 1 млн в остальных районах. По мнению С. Розфильда, число жертв голода достигает 5 млн. Р. Дэвис и С. Уиткрофт после проведения тщательной работы выделили 4–5 млн чел., из них 3–4 млн приходится на Украину. Отечественный исследователь В.В. Кондрашин, опираясь на ряд архивных материалов, выделяет 5–7 млн жертв, среди которых 1,5 млн приходится на Поволжье, Южный Урал, Дон, Кубань. В целом по РСФСР (без Казахстана) от голода погибло 2,5 млн³³.

Последствия сказались в первую очередь на младенческой смертности, ослабленный недоеданием и нехваткой витаминов материнский организм не мог обеспечить плод и новорожденного ребенка достаточной иммунной системой. К тому же недоедание и повторяющееся голодание сопровождалось эпидемиями и подрывали слабую иммунную систему населения. Темпы индустриализации ускорили урбанизацию, а значит возросла численность и удельный вес горожан. Социальными последствиями индустриализации стали рост количества производственных травм, обострение жилищного вопроса (нехватка жилья, скученность в бараках и коммунальных квартирах), бытовая неустроенность. Такая ситуация способствовала распространению эпидемий, сезонных заболеваний, инфекций. По мнению В.А. Исупова, едва начавшийся в 1920-е гг. эпидемиологический переход был грубо прерван³⁴. Статистика инфекционной заболеваемости в РСФСР увеличивалась: в 1930 г. на 10 тыс. чел. приходилось 2,6 случая, в 1933 г. – 47,4 случая заболевания. Рост смертности как среди взрослого населения, так и среди детей был высок, но из-за недоучета точные сведения отсутствуют³⁵.

В июне 1936 г. принимается постановление ЦИК СССР и СНК СССР «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»³⁶. В июле 1936 г. ЦИК и СНК СССР были внесены изменения

³¹ Жиромская В.Б., Араловец Н.А. Российские дети в конце XIX – начале XXI в. ... С. 44.

³² Там же. С. 46–47.

³³ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 192.

³⁴ Исупов В.А. Эпидемиологический переход в России... С. 85.

³⁵ Там же.

³⁶ Постановление ЦИК СССР и СНК СССР «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» от 27 июня 1936 г. № 65/1134 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4068#NIRcakS0Dij5PgGf> (дата обращения: 22.04.2024).

в Кодекс законов о браке, семье и опеке, усложнившие процедуру развода (фактический брак сохранился). С одной стороны, увеличились меры поддержки материнства и детства со стороны государства, с другой – вмешательство в естественную сторону демографического процесса – аборт – привело к трагическим последствиям. Увеличивается число «подпольных» абортов, растет число их жертв, женскому организму наносится непоправимый вред, уменьшается количество потенциальных матерей и рождений.

Развитие системы здравоохранения в СССР предусматривало разработку и внедрение в лечебную практику противомикробных препаратов, вакцин, расширение сети лечебных заведений и доступности медицинского обслуживания для населения. Советская медицинская система вобрала в себя опыт зарубежных и отечественных врачей. Сохранялись бесплатный санитарный патронаж, социальная защита материнства и детства, большое внимание уделялось вскармливанию младенцев, питанию детей. Данные меры были направлены на улучшение условий жизни населения, снижение смертности, здоровьесбережение. Тем не менее проводимые меры по улучшению медицинского обслуживания населения носили догоняющий характер и не могли охватить все нужды населения. Особенно остро нехватка медицинского обслуживания наблюдалась в сельской местности.

Анализ результатов табл. 1 позволяет говорить о волнообразном изменении уровня смертности. Определяющее значение на общие показатели оказывала смертность в сельской местности, ее параметры выше городских. Это объясняется меньшей численностью горожан в силу только начавшегося урбанизационного перехода и лучшего медицинского обслуживания населения в городской местности.

Таблица 1

Смертность населения в РСФСР (1927–1939 гг.), чел. *

Год	Городское и сельское население	Городское население	Сельское население
1927	2 091 772	318 489	1 773 283
1928	1 852 787	305 773	1 547 014
1929	2 111 139	336 397	1 774 742
1930	1 887 104	368 736	1 518 368
1931	2 031 096	478 591	1 552 505
1932	2 051 114	581 043	1 470 071
1933	2 938 441	801 419	2 137 022
1934	2 004 373	540 585	1 463 788
1935	1 874 893	472 665	1 402 228
1936	2 280 004	593 924	1 686 080
1937	2 188 740	642 617	1 546 123
1938	2 144 033	681 186	1 462 847
1939	2 141 967	704 532	1 437 435

Составлено по: Демоскоп. Естественное движение населения регионов РСФСР, 1927–1936 [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1927.php?year=1927; Демоскоп. Естественное движение населения регионов РСФСР, 1937–1990 [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php (дата обращения: 22.04.2024).

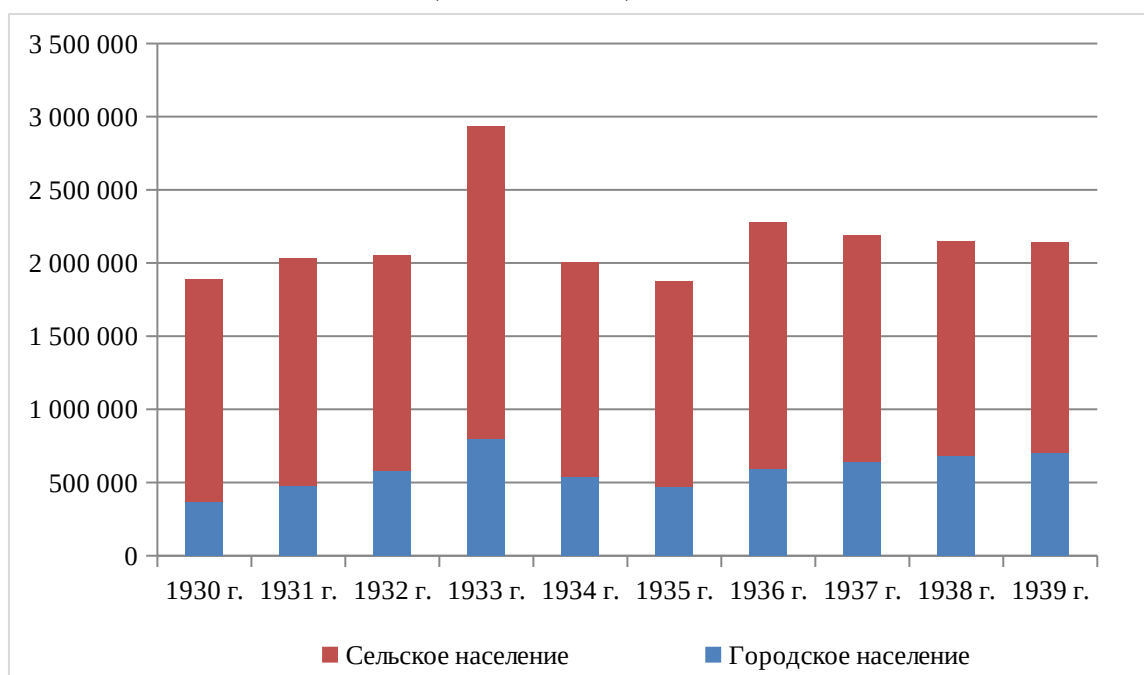
* Сведения без Казахской АССР.

Относительные показатели смертности в сельской и городской местности следующие: в 1927 г. – 84,8 и 15,2 %, в 1928 г. – 83,5 и 16,5 %, в 1929 г. – 84,1 и 15,9 % соответственно. В конце 1920-х гг. смертность изменялась волнообразно, в 1929 г. возрастает число смертей как в селе, так и в городе. В последующее десятилетие в связи с ростом темпов индустриализации, увеличением притока сельских жителей в города показатели смертности городского населения растут.

Анализ данных, представленных на диаграмме, позволяет говорить о снижении смертности в сельской местности до 1933 г. и ее росте в городах. Пик показателей смертности пришелся на 1933 г., когда естественный прирост был отрицательным. Далее в 1934 г. показатели смертности снижаются, но и численность населения в этот период уменьшается из-за пережитого голода. С середины 1930-х гг. смертность в городской местности растет. В сельской местности, напротив, с 1936 г. число смертей снижается.

Диаграмма

Соотношение смертности населения в городской и сельской местности в РСФСР (1930–1939 гг.), чел.*

Составлено по: Демоскоп. Естественное движение населения регионов РСФСР, 1927–1936 [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1927.php?year=1927; Демоскоп. Естественное движение населения регионов РСФСР, 1937–1990 [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php (дата обращения: 22.04.2024).

* Сведения без Казахской АССР.

Самые высокие показатели смертности приходятся на период голодных лет 1932–1933 гг. В эти годы увеличивается количество смертей, а снижение в последующие годы объясняется, в том числе, уменьшением общей численности населения, на фоне которой абсолютные показатели смертности снижаются. Существенных положительных изменений в показателях смертности населения не наблюдалось. Следующий всплеск смертности относится к 1937 г., и если в сельской местности ее показатели снижаются, то в городской, напротив, увеличиваются, как и общая численность горожан. Сам факт роста показателей смертности после принятия постановления о запрете абортов 1936 г. говорит о неблагоприятных последствиях вмешательства государства в естественный ход демографических процессов.

На протяжении всего периода в разной степени интенсивности высокими оставались показатели заболеваемости сыпным тифом, брюшным тифом, скарлатиной, дизентерией, дифтерией, пневмонией, корью и другими болезнями. В середине 1930-х гг. год от года

нарастали показатели заболеваемости брюшным тифом, скарлатиной, дифтерией³⁷. К концу 1930-х гг. показатели смертности населения СССР и РСФСР возросли, в первую очередь за счет смертности младенцев. В 1939 г. в СССР у 15–16 % умерших в качестве причины смерти диагностирован энтерит, диарея, колит в возрасте до 2-х лет, болезни органов дыхания (крупозная пневмония, бронхит, бронхопневмония), у 7–10 % – туберкулез органов дыхания³⁸. В РСФСР, так же как по стране в целом, в структуре причин смертности преобладали инфекционные заболевания, туберкулез, желудочно-кишечные заболевания, болезни органов дыхания³⁹. В РСФСР в 1940 г. коэффициент общей смертности составлял 20,6 ‰. По подсчетам ЦУНХУ, в СССР из каждой тысячи новорожденных в 1939 г. до 1 года не дожили 168 младенцев, в 1940 г. – 190. В РСФСР коэффициент младенческой смертности был еще выше и в 1940 г. составлял 212 ‰⁴⁰. Преобладала смерть новорожденных в первые недели жизни. По сведениям В.А. Исупова, у младенцев вероятность умереть была выше, чем у пожилых людей в возрасте от 65 лет и старше⁴¹. Кроме того, для младенческой смертности была характерна значительная территориальная дифференциация, причины которой остаются мало изученными. Исследование, проведенной Е.М. Андреевым, позволяет говорить о том, что в регионах РСФСР в 1940 г. уровень младенческой смертности варьировался в пределах от 102 до 375 ‰⁴².

В возрастной структуре смертности большое значение имела и смертность детей до 5 лет. У детей с неокрепшей иммунной системой в условиях распространения инфекционных и желудочно-кишечных заболеваний смертность была высокой. В 1940 г. в РСФСР 56 % всех умерших были дети до 5 лет⁴³.

По данным отчета директора Научно-методического Бюро санитарной статистики Народного комиссариата здравоохранения РСФСР Л.А. Брушлинской за 1939 г., в одной из самых неблагополучных по уровню смертности – Челябинской области – смертность резко возросла как раз за счет резкого повышения младенческой смертности: показатель увеличился с 17,8 на 100 родившихся в 1938 г. до 25,3 на 100 родившихся в 1939 г.⁴⁴

В 1930-е гг. постепенно увеличивалась разница между мужской и женской смертностью. Она определялась не только войнами и различиями в женском и мужском организмах, но и иными причинами, среди которых все большее значение имело влияние урбанизации (производственный травматизм и смертность, условия труда, способствующие росту заболеваемости и смертности, и пр.).

В политической жизни страны в рассматриваемый период происходили не менее значимые события. Ряд политических процессов, связанных с централизацией власти и последующей борьбой с оппозицией, повлиял на демографическую сторону жизни государства. Считается, что пик репрессий пришелся на 1937–1938 гг.

На международной арене в этот период происходят значимые события, агрессия блока фашистских государств и «умиротворительная» политика гарантов Версальского мира не оставляли сомнений о грядущем мировом конфликте. Начинается модернизация армии, наряду с изменением срока призыва и призывного возраста усовершенствуется военно-промышленный комплекс страны, репрессиям подвергся командный состав Красной армии и военно-морского флота.

³⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 503. Л. 24.

³⁸ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф-4372. Оп. 92. Д. 284. Л. 19 об.; Чернышева Н.В. Население Волго-Вятского региона в 1939–1945 годы: историко-демографическое исследование: дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2022. С. 198.

³⁹ Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 116.

⁴⁰ Там же. С. 127.

⁴¹ Там же.

⁴² Андреев Е.М. Снижение младенческой смертности в России в 1940–1958 гг. // Развитие населения и демографическая политика. Памяти А.Я. Кваши: сб. ст. М., 2014. С. 108–128.

⁴³ Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 127.

⁴⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 503. Л. 31.

Таким образом, 1920–1930-е гг. являются одним из самых сложных и противоречивых периодов в советской демографической истории. Проводимая сталинская модернизация, ее методы и темпы оказали существенное влияние на демографические процессы. Показатели смертности, в основном обусловленные экзогенными причинами, резко меняются в зависимости от политических, социально-экономических факторов. Активное строительство больничных учреждений, обеспечение населения медицинским обслуживанием, вакцинирование, санитарный контроль внесли свои положительные результаты в увеличение продолжительности жизни, процесс борьбы с инфекциями, детскими болезнями. Государство проводило целенаправленную политику по улучшению качества жизни, быта населения. Другой стороной проводимой политики было вмешательство в процессы воспроизводства. Так, постановление от 27 июня 1936 г. о запрете абортов имело негативные последствия в виде увеличения младенческой смертности и утраты фертильности потенциальными матерями. Те демографические процессы, которые должны были происходить естественным упорядоченным путем, например смена типов воспроизводства, изменения численности и состава населения, под влиянием политических, экономических событий и процессов либо ускорялись, либо прерывались.

Литература

- Ажигулова А.И.* Смертность на Южном Урале в 1930-е годы // Клио. 2017. № 1. С. 94–99.
- Андреев Е.М.* Снижение младенческой смертности в России в 1940–1958 гг. // Развитие населения и демографическая политика. Памяти А.Я. Кваши: сб. ст. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 108–128.
- Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Население Советского Союза, 1922–1991. М.: Наука, 1993. 139 с.
- Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Демографическая история России: 1927–1959. М.: Информатика, 1998. 187 с.
- Араловец Н.А.* Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // Отечественная история. 1995. № 1. С. 135–146.
- Блюм А.* Родиться, жить и умереть в СССР. М.: Новое изд-во, 2005. 169 с.
- Боярский А.Я.* Население и методы его изучения. М.: Статистика, 1975. 264 с.
- Вишневский А.Г.* Демографическая революция. М.: Статистика, 1976. 240 с.
- Волков А.Г.* Из истории переписи населения 1937 г. // Вестник статистики. 1990. № 8. С. 45–56.
- Волков Е.З.* Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.: Гос. изд-во, 1930. 272 с.
- Всесоюзная перепись населения 1937 года. Общие итоги. Сборник документов и материалов / сост. В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2007. 318 с.
- Жиромская В.Б.* Всесоюзные переписи 1926, 1937 и 1939 гг. История подготовки и проведения // История СССР. 1990. № 3. С. 84–104.
- Жиромская В.Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.
- Жиромская В.Б., Араловец Н.А.* Российские дети в конце XIX – начале XXI в.: Историко-демографические очерки. М.: Ин-т российской истории РАН, 2018. 221 с.
- Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. 152 с.
- Журавлева В.А.* Городское население Урала в 1920–1930-е гг.: историко-демографический анализ: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2016. 36 с.
- Исупов В.А.* Демографическая сфера в эпоху сталинизма // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. С. 180–201.

Исупов В.А. Тайны советской статистики: переписи населения 1937 и 1939 гг. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер.: История, филология, философия. 1991. № 1. С. 28–33.

Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.

Исупов В.А. Эпидемиологический переход в России: взгляд историка // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 4. С. 82–92.

Исупов В.А. «Это была фантастика, если не хуже»: методы фальсификации статистических источников в 1930-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 32–36.

Исупов В.А. Как рассчитывали численность населения в годы Второй мировой войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 4. С. 69–74.

Кириллова Д.А. Естественное движение населения СССР в 1930-е годы (по материалам текущего учета ЦУНХУ Госплана СССР 1933–1940 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2005. 23 с.

Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. 518 с.

Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург: Уралагропресс, 1993. 174 с.

Корнилов Г.Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3. С. 80–89.

Кувшинников М.П. Естественное движение населения РСФСР в 1920–1922 гг. // Вестник статистики. 1925. № 4–6. С. 99–135.

Население России в XX веке: в 3 т. / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 2. 1940–1959 гг.: исторические очерки. 463 с.

Ракачев В.Н. Население Кубани и Ставрополя в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2018. 47 с.

Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003. 286 с.

Сивцева С.И. Население Якутии в 1939–1959 гг.: историко-демографическое исследование: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2014. 57 с.

Тольц М.С. Репрессированная перепись // Родина. 1989. № 11. С. 56–61.

Уваров С.Н. Этнодемографические процессы в Удмуртии в 1930-е годы // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, № 4. С. 664–677.

Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М.: Госстатиздат, 1963. 136 с.

Хоффманн Д. Возращение масс: модерное государство и советский социализм. 1914–1939. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 422 с.

Чернышева Н.В. Население Волго-Вятского региона в 1939–1945 годы: историко-демографическое исследование: дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2022. 516 с.

Чернышева Н.В., Свинцова М.Н., Сакович Н.В. Детская и младенческая смертность в областях Волго-Вятского региона накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2019. № 11. С. 102–111.

Andreev E.M. Life Expectancy and Causes of Death in the USSR // Demographic Trends and Patterns in the Soviet Union Before 1991. Routledge, 2002. P. 319–334.

Wheatcroft S.G. A Note on Steven Rosefielde's Calculations of Excess Mortality in the USSR, 1929–1949 // Soviet Studies. 1984. Vol. 36, No. 2. P. 277–281.

References

Andreev, E.M. (2002). Life Expectancy and Causes of Death in the USSR. In *Demographic trends and patterns in the Soviet Union before 1991*. Routledge, pp. 319–334.

Andreev, E.M. (2014). Snizhenie mladencheskoy smertnosti v Rossii v 1940–1958 gg. [Decline in Infant Mortality in Russia in 1940–1958]. In *Razvitie naseleniya i demograficheskaya politika. Pamyati A.Ya. Kvashi: sbornik statey*. Moscow, MAKS Press, pp. 108–128.

Andreev, E.M., Darskiy, L.E., Khar'kova, T.L. (1998). *Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927–1959* [Demographic History of Russia: 1927–1959]. Moscow, Informatika. 187 p.

Andreev, E.M., Darskiy, L.E., Xar'kova, T.L. (1993). *Naselenie Sovetskogo Soyuza, 1922–1991* [The Population of the Soviet Union, 1922–1991]. Moscow. 139 p.

Aralovets, N.A. (1995). Poteri naseleniya sovetskogo obshchestva v 1930-e gody: problemy, istochniki, metody' izucheniya v otechestvennoy istoriografii [Population Losses of Soviet Society in the 1930 Years: Problems, Sources, Methods of Study in Russian Historiography]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 1, pp. 135–146.

Azhigulova, A.I. (2017). Smertnost' na Yuzhnom Urale v 1930-e gody [Mortality in the Southern Urals in the 1930 Years]. In *Klio*. No. 1, pp. 94–99.

Blyum, A. (2005) *Rodit'sya, zhit' i umeret' v SSSR* [To Be Born, Live and Die in the USSR]. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 169 p.

Boyarskiy, A.Ya. (1975). *Naselenie i metody' ego izucheniya* [Population and Methods of Its Study]. Moscow, Statistika. 264 p.

Cherny'sheva, N.V, Svinczova, M.N., Sakovich, N.V. (2019). Detskaya i mladencheskaya smertnost' v oblasti Volgo-Vyatskogo regiona nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Child and Infant Mortality in the Regions of the Volga-Vyatka Region on the Eve and During the Great Patriotic War]. In *Voprosy istorii*. No. 11, pp. 102–111.

Chernysheva, N.V. (2022). *Naselenie Volgo-Vyatskogo regiona v 1939–1945 gody: istoriko-demograficheskoe issledovanie* [Population of the Volga-Vyatka Region in 1939–1945: Historical and Demographic Research]. Dr. hist. sci. diss. St. Petersburg. 516 p.

Isupov, V.A. (1990). Demograficheskaya sfera v epokhu stalinizma [Demographic Sphere in the Era of Stalinism]. In *Aktual'nye problemy istorii sovetskoy Sibiri*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie, pp. 180–201.

Isupov, V.A. (1991). Tayny sovetskoy statistiki: perepisi naseleniya 1937 i 1939 gg. [Secrets of Soviet Statistics: Population Censuses of 1937 and 1939]. In *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Seriya: Istoriya, filologiya, filosofiya*. No. 1, pp. 28–33.

Isupov, V.A. (2000). *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka. Istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic Disasters and Crises in Russia in the First Half of the 20th Century. Historical and Demographic Essays]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf. 244 p.

Isupov, V.A. (2008). “Etobyla fantastika, esli ne khuzhe”: metody fal'sifikatsii statisticheskikh istochnikov v 1930-e gg. [“It was Fantastic, if Not Worse”: Methods of Falsification of Statistical Sources in the 1930 Years]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 2, pp. 32–36.

Isupov, V.A. (2016). Epidemiologicheskiy perekhod v Rossii: vzglyad istorika [Epidemiological Transition in Russia: A Historian's View]. In *Demograficheskoe obozrenie*. Vol. 3, No. 4, pp. 82–92.

Isupov, V.A. (2017). Kak rasschityvali chislennost' naseleniya v gody' Vtoroy mirovoy voyny [How the Population Was Calculated During the Second World War]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 24, No. 4, pp. 69–74.

Khoffmann, D. (2018). *Vzrashchivanie mass: modernoe gosudarstvo i sovetskiy sotsializm. 1914–1939* [Nurturing the Masses: The Modern State and Soviet Socialism. 1914–1939]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 422 p.

Kirillova, D.A. (2005). *Estestvennoe dvizhenie naseleniya SSSR v 1930-e gody' (po materialam tekushchego ucheta CzUNXU Gosplana SSSR 1933–1940 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Natural Movement of the Population of the USSR in the 1930s (Based on the Materials of the Current Accounting of the Central Committee of the USSR State Planning Committee 1933–1940)]. Cand. hist. sci. diss. abstract. Cheboksary. 23 p.

Kondrashin, V.V. (2008). *Golod 1932–1933 godov: tragediya rossiyskoy derevni* [The Famine of 1932–1933: The Tragedy of the Russian Village]. Moscow, ROSSPEN. 518 p.

Kornilov, G.E. (1993). *Ural'skoe selo i voyna. Problemy' demograficheskogo razvitiya* [The Ural Village and the War. Problems of Demographic Development]. Yekaterinburg. 174 p.

Kornilov, G.E. (2014). Evolyutsiya mladencheskoy smertnosti na Urale v pervoy polovine XX v. [The Evolution of Infant Mortality in the Urals in the First Half of the 20th Century]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 3, pp. 80–89.

Kuvshinnikov, M.P. (1925). Estestvennoe dvizhenie naseleniya RSFSR v 1920–1922 gg. [The Natural Movement of the Population of the RSFSR in 1920–1922]. In *Vestnik statistiki*. No. 4–6, pp. 99–135.

Polyakov Yu.A. (Ed.). (2001) *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki: v 3 t.* [The Population of Russia in the 20th Century: Historical Essays: In 3 Vol.]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 2. 416 p.

Rakachev, V.N. (2018). *Naselenie Kubani I Stavropol'ya v 1930–1950-e gg.: istoriko-demograficheskoe issledovanie: avtoref. diss. ... d-ra ist. nauk* [The Population of Kuban and Stavropol in the 1930s–1950 Years: Historical and Demographic Research]. Dr. hist. sci. diss. abstract. Krasnodar. 47 p.

Senyavskiy, A.S. (2003). *Urbanizatsiya Rossii v XX veke. Rol' v istoricheskom protsesse* [Urbanization of Russia in the 20th Century. The Role in the Historical Process]. Moscow, Nauka. 286 p.

Sivtseva, S.I. (2014). *Naselenie Yakutii v 1939–1959 gg.: istoriko-demograficheskoe issledovanie: avtoref. dis. ... d-ra ist. Nauk* [The Population of Yakutia in 1939–1959: Historical and Demographic Research]. Dr. hist. sci. diss. abstract. Moscow. 57 p.

Tol'ts, M.S. (1989). *Repressirovannaya perepis'* [The Repressed Census]. In *Rodina*. No. 11, pp. 56–61.

Urlanis, B.Ts. (1963). *Rozhdaemost' i prodolzhitel'nost' zhizni v SSSR* [Fertility and Life Expectancy in the USSR]. Moscow, Gosstatizdat. 136 p.

Uvarov, S.N. (2019). Etnodemograficheskie processy v Udmurtii v 1930-e gody [Ethnodemographic Processes in Udmurtia in the 1930 Years]. In *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. Vol. 13, No. 4, pp. 664–677.

Vishnevskiy, A.G. (1976). *Demograficheskaya revolyutsiya* [Demographic Revolution]. Moscow, Statistika. 240 p.

Volkov, A.G. (1990). Iz istorii perepisi naseleniya 1937 g. [From the History of the 1937 Population Census]. In *Vestnik statistiki*. No. 8, pp. 45–56.

Volkov, E.Z. (1930). *Dinamika narodonaseleniya SSSR za vosem'desyat let* [Population Dynamics of the USSR for Eighty Years]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 272 p.

Wheatcroft, S.G. (1984). A Note on Steven Rosefielde's Calculations of Excess Mortality in the USSR, 1929–1949. In *Soviet Studies*. Vol. 36, No. 2, pp. 277–281.

Zhiromskaya, V.B. (1990). Vsesoyuznye perepisi 1926, 1937 i 1939 gg. Istoriya podgotovki i provedeniya [All-Union Censuses of 1926, 1937 and 1939. The History of Preparation and Implementation]. In *Istoriya SSSR*. No. 3, pp. 84–104.

Zhiromskaya, V.B. (2012). *Osnovny'e tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [The Main Trends in the Demographic Development of Russia in the 20th Century]. Moscow, Kuchkovo pole. 318 p.

Zhiromskaya, V.B., Aralovets, N.A. (2018). *Rossiyskie deti v kontse XIX – nachale XXI v.: Istoriko-demograficheskie ocherki* [Russian Children at the End of the XIX – Beginning of the 21st Century: Historical and Demographic Essays]. Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN. 221 p.

Zhiromskaya, V.B., Kiselev, I.N., Polyakov, Yu.A. (1996). *Polveka pod grifom "sekretno": Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda* [Half a Century Marked "Secret": The All-Union Population Census of 1937]. Moscow, Nauka. 152 p.

Zhiromskaya, V.B., Polyakov, Yu.A. (Eds.). (2007). *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda: obshchie itogi* [The All-Union Population Census of 1937: General Results]. Moscow, ROSSPEN. 318 p.

Zhuravleva, V.A. (2016). *Gorodskoe naselenie Urala v 1920–1930-e gg.: istoriko-demograficheskij analiz: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Urban Population of the Urals in the 1920 Years –1930 Years: Historical and Demographic Analysis]. Dr. hist. sci. diss. abstract. Yekaterinburg. 36 p.